

въ безхитростную и углубленную форму примитива, притчи—и вотъ получается „Алеша Горшокъ“, лучшее и самое гениальное, что есть во всемъ по-смертномъ изданіи. Трудно представить себѣ большую сосредоточенность изображенія и выраженія; ничего нельзя прибавить, убавить, и ни одного слова не замѣнишь другимъ. Это не сочиненіе: это — явленіе природы, живая быль міра. И трогательно смотреть изъ нея любимый Толстымъ классическій русскій простецъ, братъ Платона Каратаева, герой незамѣтности. Безотвѣтный и безобидный, неумудренный и улыбающійся, Алеша Горшокъ не зналъ грамоты, она ему не давалась; но больше всѣхъ грамотныхъ міра позналъ онъ, для Толстого, смыслъ жизни, и когда на слишкомъ заслуженный, вѣчный отдыхъ улеглись его наболѣвшія, нывшія, натруженные ноги, когда онъ „удивился чему-то, потянулся и померъ“, тогда его удивленіе было оцѣнено выше, чѣмъ грамотность и наука, чѣмъ „удивленіе“ Аристотеля, всѣ догадки умныхъ и ученыхъ...

Какъ отличіе отъ ранняго Толстого-художника, можно было бы въ новыхъ произведеніяхъ и то еще указать, что въ нихъ появился „дьяволь“, въ видѣ опредѣленной и, можетъ быть, всерьезъ принимаемой категоріи. Во власти дьявола оказался отецъ Сергій. Половая любовь—дьяволь, и водка—онъ же. Въ повѣсти, открывающей первую книгу, его именемъ окрещенной, показана его страшная